

Мухамедов Р. А. Контрреволюционные преступления в судебной практике Симбирского губернского революционного трибунала в 1918—1920 годах / Р. А. Мухамедов, М. В. Чигрин, А. А. Никитин // Научный диалог. — 2019. — № 5. — С. 348—364. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-348-364.

Mukhamedov, R. A., Chigrin, M. V., Nikitin, A. A. (2019). Counterrevolutionary Crimes in Judicial Practice of Simbirsk Governorate Revolutionary Tribunal in 1918—1920. *Nauchnyi dialog*, 5: 348-364. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-348-364. (In Russ.).



УДК 93/94. 343.343.35 (470.42)

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-348-364

## Контрреволюционные преступления в судебной практике Симбирского губернского революционного трибунала в 1918—1920 годах

© Мухамедов Рашит Алимович (2019), [orcid.org/0000-0001-6181-324](https://orcid.org/0000-0001-6181-324), доктор исторических наук, профессор, Ульяновский государственный педагогический университет (Ульяновск, Россия), [gasit56@mail.ru](mailto:gasit56@mail.ru).

© Чигрин Максим Валерьевич (2019), [orcid.org/0000-0002-1006-5524](https://orcid.org/0000-0002-1006-5524), аспирант, Ульяновский государственный педагогический университет (Ульяновск, Россия), [maksimchigrin@mail.ru](mailto:maksimchigrin@mail.ru).

© Никитин Александр Александрович (2019), [orcid.org/0000-0003-2918-9145](https://orcid.org/0000-0003-2918-9145), кандидат исторических наук, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет (Ульяновск, Россия), [alexistur@yandex.ru](mailto:alexistur@yandex.ru).

Статья посвящена анализу контрреволюционных преступлений в 1918—1920 годах на основе дел, принятых на рассмотрение Симбирским губернным революционным трибуналом. Авторы вводят в научный оборот ранее не доступные архивные документы. Подробно рассматриваются такие аспекты темы, как судебная практика чрезвычайного органа правосудия в борьбе с контрреволюцией, а также необходимые условия для вынесения окончательного вердикта в отношении обвиняемого. Выполнен анализ выносимых чрезвычайным органом правосудия вердиктов. Уделяется внимание примерам деяний, совершенных гражданами в 1918—1920 годах и признанных контрреволюционными. Приводятся статистические данные о деятельности чрезвычайного органа правосудия Симбирской губернии. Новизна исследования видится в том, что впервые был введен в научный оборот большой пласт ранее засекреченных неопубликованных архивных документов. Основными выводами исследования являются следующие ключевые положения: во-первых, Симбирский губернский революционный трибунал являл собой эффективное орудие большевистского режима; во-вторых, чрезвычайный орган правосудия в 1918—1920 годах уделял пристальное внимание расследованию контрреволюционных дел,

составлявших около 29 %, в-третьих, при вынесении приговора сотрудники трибунала руководствовались классовым принципом.

Ключевые слова: Симбирская губерния; Симбирский губернский революционный трибунал; советское судопроизводство; красный террор; Декрет о суде; приговор.

## 1. Введение

Октябрьская революция — историческое явление, приведшее к колоссальным изменениям в звеньях механизма государственной машины и оказавшее влияние на мировоззрение людской массы. Именно победа сторонников большевизма стала тем пусковым механизмом, который дестабилизировал социальную обстановку и расколол гражданское общество на два противоборствующих лагеря: граждан, признавших легитимность советского государства, и тех, кто вступил с ним в фазу конфронтации.

Для обеспечения безопасности режима власти и отражения угрозы со стороны настроенных контрреволюционно граждан большевики в первую очередь уделили внимание преобразованию правовой системы. Согласно основополагающему декрету Совета народных комиссаров (далее — СНК) № 1, взамен ликвидированных правовых институтов дореволюционного периода были созданы две категории органов правосудия: местные суды и ревтрибуналы [О суде. Декрет № 1, 1918, с. 136]. Местные суды рассматривали уголовные дела о правонарушениях, за совершение которых гражданин не мог быть осужден более чем на двухлетний срок лишения свободы, а также гражданские дела. Ревтрибуналы же боролись с контрреволюционными деяниями, экономическими, уголовными, должностными и иными правонарушениями [ГАУО, ф. р-1048, оп. 1, д. 4, л. 11].

В декабре 1917 года появились нормативные акты, контролирующие работу революционных трибуналов и следственных комиссий при них, а также подсудность и процессуальный порядок. Одним из таких актов стало «Руководство для устройства ревтрибуналов», принятое 2 декабря 1917 года. В руководстве были обозначены такие важные моменты, как процесс формирования ревтрибунала, правила ведения делопроизводства, а также ряд взысканий за допущенные сотрудниками ошибки. Данный правовой документ значительно расширил поле деятельности местных партийных органов. Вследствие этого трибунал фактически приобрел неограниченные полномочия в выборе методов противодействия преступникам [Руководство ..., 1917, с. 3].

Следующим правовым актом стала инструкция Народного комиссариата юстиции, принятая 19 декабря 1917 года. Данная инструкция регламентировала правила выбора сотрудников ревтрибунала: председателя, двух его товарищей, секретаря, а также коллег-заседателей [Инструкция ..., 1942, с. 181].

Декрет № 2 о суде ввел в правовую систему местные нарсуды, полем деятельности которых являлось рассмотрение дел, не входящих в подсудность местных судов [О суде. Декрет № 2, 1918, с. 2]. Единый нарсуд как ключевой элемент советской судебной системы был законодательно утвержден Декретом о судебной системе № 3 [О суде. Декрет № 3, 1918], а затем дополнен «Положением о народном суде» [Положение ..., 1918, с. 3]. Данные законодательные акты предусматривали передачу из подсудности ревтрибуналов нарсудам всех дел, за исключением контрреволюционных деяний, экономических и должностных правонарушений, бандитизма.

В реалиях современной России интерес у отечественных и зарубежных специалистов к изучению деятельности чрезвычайных структур, среди которых центральное место занимают революционные трибуналы, не только не ослабевает, но и возрастает. Данная научная проблема нашла отражение в изысканиях отечественных историков В. В. Абрамова, Н. Н. Гороховского, А. В. Макутчева, А. С. Поздняковой, П. П. Федоренко [Абрамов, 2004; Гороховский, 2004; Макутчев, 2011; Позднякова, 2015; Федоренко, 2006]. К анализу деятельности революционного трибунала по пресечению контрреволюционных преступлений обращались зарубежные советологи: М. Малиа, Ю. Хаски, Р. Пайпса, М. Рэндл, Р. Стайтс [Малиа, 2002; Хаски, 1993; Pipes, 1986; Rendle, 2011; Stites, 1998]. В частности, профессор Ричард Стайтс утверждал, что большевики, расследовавшие контрреволюционные преступления, подробно описывали судебные процессы в периодических изданиях и представляли их как театральные спектакли, главную роль в которых играли прокуроры и подсудимые [Stites, 1998, с. 7]. Пайпс, анализируя судебные процессы над контрреволюционными элементами, называл советскую юридическую систему «легализованным беззаконием». По его мнению, большая доля наказанных трибуналом за контрреволюционную деятельность граждан были осуждены без проведения беспристрастного расследования [Pipes, 1986, с. 10].

В сложившихся условиях важным представляется обращение к историческому опыту функционирования Симбирского губернского революционного трибунала, деятельность которого на территории отдельно взятой территориальной единицы Советской России, а именно Симбирской губернии, в научных работах на сегодняшний момент не нашла какого-либо отражения. На основе судебных материалов, почерпнутых их архивных фондов, возможно провести анализ одного из направлений деятельности Симбирского губревтрибунала — борьбы с контрреволюционными преступлениями. Это позволит восстановить картину жизни губернии в ретроспективе.

## **2. Кадровый состав Симбирского губернского ревтрибунала**

Симбирский губревтрибунал был сформирован 25 февраля 1918 года [ГАУО, ф. р-336, оп. 1, д. 4, л. 11]. Орган правосудия состоял из следственной комиссии, коллегии обвинителей, коллегии защитников, а также кассационного отдела [Чигрин, 2018, с. 315]. Председателями губревтрибунала в 1918—1920 годах были И. В. Крылов, Иванов и Тольский, Гольман. Если охарактеризовать кадровый состав сотрудников Симбирского ревтрибунала, можно отметить следующую особенность: большая доля работников не только не имела законченного профильного высшего образования, но даже среднего. Обладали высоким образовательным уровнем главным образом председатели чрезвычайного органа правосудия и их заместители, при этом следователи зачастую были малограмотными. Например, из первого состава чрезвычайного органа правосудия высшее образование имел лишь председатель И. В. Крылов, который окончил гимназию в Нижнем Новгороде и Лазаревский институт в Москве [ГАНИ УО, ф. 57а, оп. 2, д. 146, л. 48]. Секретарями и машинистками при нем работали преимущественно молодые школьницы в свободное от учебы время, а следовательский состав имел лишь базовые знания [ГАУО, ф. р-180, оп. 1, д. 36, л. 5]. В 1919—1920 годах, когда должность председателя Симбирского революционного трибунала занимали попеременно Тольский и Гольман, встречались также случаи, когда у следователя не имелось и начального образования, из-за чего он не мог заполнять документы. В связи с недостатком грамотных специалистов, желающих работать в этой сфере, председатели зачастую при приеме сотрудников закрывали глаза на их профессиональный уровень, а учитывали лишь политическую лояльность и мотивацию [ГАНИ УО, ф. 57а, оп. 2, д. 146, л. 59]. Это в свою очередь непосредственно отразилось на качестве осуществления делопроизводства.

## **3. Разграничение правовых задач ревтрибуналов и чрезвычайных комиссий**

Отечественные исследователи деятельности трибуналов нередко наделяют их задачей, которая ставилась перед местными структурами Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, — осуществлением политики красного террора [Гороховский, 2004 и др.]. Однако данная трактовка является не совсем корректной и требует переосмысления, так как поле деятельности ревтрибуналов значительно отличалось от круга компетенций чрезвычайных комиссий, что проявлялось прежде всего в отношении расследования дел и применения наказания. В частно-

сти, в судебной практике Симбирского губернского ревтрибунала за 1918—1920 годы сложилась следующая тенденция по количеству окончанных дел: первой и самой многочисленной категорией дел являлись должностные правонарушения, второй — прочие, третьей — контрреволюционные деяния, четвертой — экономические правонарушения (табл. 1).

Таблица 1

Отчетные сведения о деятельности Симбирского губернского революционного трибунала с 1918 по 1920 годы\*

Год	Категории дел			
	Контрреволюция	Спекулятивные	Должностные	Прочие
1918	206	41	497	83
1919	193	29	236	492
1920	245	35	226	283
Всего	644	105	959	858

\* Источник: ГАУО, ф. р-180, оп. 3, д. 19, л. 41; ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 296, лл. 51—57.

По итогам заседаний трибунала, за рассматриваемый период было окончено дел в отношении граждан, обвиняемых в контрреволюционных деяниях, — 542. При этом вынесен оправдательный вердикт в 103 (19,1 %) случаях, обвинительный — 439 (80,9 %). Осужденные были приговорены к лишению свободы — 291 человек, к принудительным работам — 9, к общественному порицанию — 6, к штрафу — 4, к расстрелу — 29, к иному виду наказания — 100 [ГАУО, ф. р-1048, оп. 1, д. 1, л. 6]. За это же время расстрельный вердикт Симбирской ГубЧК был вынесен в отношении 332 граждан [ГАНИ УО, ф. 57, оп. 2, д. 146, л. 28]. При этом стоит учитывать тот факт, что большинство приговоров, приведенных в исполнение, зачастую не фиксировалось чекистами в отчете, если речь шла о контрреволюционных восстаниях. Отсутствие документирования было связано прежде всего с необходимостью ускорить процесс подавления крестьянских мятежей, ввиду чего сотрудники карательных отрядов наделялись фактически безграничными правами.

#### 4. Деятельность Симбирского губернского революционного трибунала в 1918 году

Симбирский чрезвычайный орган правосудия в период с марта по июль 1918 года рассматривал преимущественно дела, касавшиеся любых контрреволюционных деяний. Сотрудниками трибунала под «контрреволю-

ционным деянием» подразумевалось следующее: во-первых, принадлежность гражданина к враждебному для пролетариата классу; во-вторых, осуществление среди народных масс любых мероприятий, основная цель которых — распространение идей, подрывающих авторитет государства; в-третьих, причастность к антибольшевистскому мятежу или несанкционированному собранию; в-четвертых, сбор сведений о работе правительственных учреждений и последующая передача их неприятелю [ГАУО, ф. р-125, оп. 2, д. 11, л. 12].

В первые месяцы функционирования Симбирского губревтрибунала его сотрудники в большинстве случаев при рассмотрении дел, касающихся контрреволюции, не изучали до мельчайших подробностей суть дела, а выясняли лишь степень вины подозреваемого лица и уровень угрозы, которую представляет человек для пролетарской республики. В связи с этим около 70 % от общего числа — 135 вынесенных Симбирским чрезвычайным органом правосудия вердиктов — имели предвзятый характер [Там же, д. 275, л. 5]. К лишению свободы и принудительным работам подозреваемых в контрреволюции приговаривали со следующей припиской — *за отрицание законности советской власти* [Там же, д. 11, л. 12].

В то же время отметим, что некоторые работники Симбирского губревтрибунала относились к своей деятельности с особым прилежанием и старались подходить объективно к рассмотрению дел. Одним из них был И. В. Крылов, назначенный губкомом на должность председателя ревтрибунала в марте 1918 года [Блохинцев, 1977, с. 108]. Среди рассмотренных Крыловым дел по обвинению граждан в контрреволюционных деяниях стоит отметить дело представителя имперской армии, начальника Симбирского кадетского корпуса, генерал-майора Якубовича. Заседание проходило в следующем режиме: *Были приглашены свидетели, обвинитель, а также граждане, возжелавшие наблюдать за ходом судебного процесса. Вскоре был введен Якубович под охраной отряда красноармейцев. Трибунал сначала заслушал трех свидетелей, лично знавших подсудимого, а затем предоставил слово его защитнику Малиновскому. Защитник подсудимого ярко и эмоционально описал генерала как честного и справедливого человека, признавшего пролетарскую республику и не представлявшего существенного вреда. После непродолжительного совещания, между сотрудниками правосудия, был вынесен итоговый вердикт, повергший в шок собравшихся — генерал был оправдан и освобожден* [ГАНИ УО, ф. 57, оп. 2, д. 146, л. 28]. Однако надо отметить, что вынесенный по этому делу оправдательный вердикт был скорее исключением из правила, так как представители имперского режима чаще всего осуждались по всей строгости революционного закона.

Наиболее резонансным событием стало также рассмотрение Симбирским губернским ревтрибуналом дела по обвинению солдата 3-ей роты 60-ой инженерной дружины Е. П. Федорова в том, что он состоял на службе в охранном отделении и занимался провокаторской деятельностью. Следственной комиссией было установлено, что Федоров в 1907 году служил тайным сотрудником в Симбирском охранном отделении, в котором числился под фамилией Николаев. Он был внедрен охранкой в ряды партии РСДРП и выполнял различные поручения секретного характера. В частности, Федоров выявлял указанных охранкой лиц, состоящих в рядах партии, а затем доставлял сведения и биографические заметки о них, что впоследствии способствовало быстрой поимке членов партии. Свидетель Сибиряков на допросе отмечал, что Федоров был непосредственно причастен к аресту избранного на собрании РСДРП (б) Морозова, которому в тот день вручили партийные документы. После окончания собрания именно Федоров донес охранке об антигосударственной деятельности Морозова, упомянув тот факт, что у того в руках находятся партийные списки. В результате по его наводке были арестованы Морозов, Сибиряков, а также другие члены партии. Сибиряков упомянул также, что Федоров был причастен и к аресту членов тайной типографии [ГАУО, ф. р-125, оп. 2, д. 46, л. 15]. Свидетель М. М. Гимов показал, что когда бежал из высылки его товарищ Н. Ефремов, то именно Федоров вызвался изготовить ему поддельный паспорт, по которому тот должен был отправиться в Самару. Однако фактически сразу же после своего прибытия на съемную квартиру Ефремов был задержан охранкой. Заседание Симбирского ревтрибунала по данному делу состоялось 11 мая 1918 года. По его итогам был вынесен следующий вердикт: Федорова за его преступную контрреволюционную деятельность лишить политических прав советского гражданина, а также выслать из пределов РСФСР навсегда без предоставления права возвращения [Там же, л. 78].

Симбирским губревтрибуналом рассматривались также и дела, касающиеся контрреволюционной агитации или пропаганды. Как правило, такие дела заводились на основании получения либо членами чрезвычайкома, либо работниками других советских учреждений анонимного письма, в котором в ярких красках описывалось совершенное гражданином правонарушение. Подозреваемый задерживался, а следствие практически не велось по причине отсутствия свидетелей. В конечном итоге после заседания ревтрибунала дело прекращалось с формулировкой «в связи с отсутствием улик». К примеру, по этой причине Симбирский ревтрибунал был вынужден прекратить дело по обвинению крестьян села Печорское, «подозрева-

емых в распространении гнусных сведений, бросающих тень на честное имя пролетарской республики» [ГАУО, ф. р-125, оп. 2, д. 53, л. 105].

Однако встречались также и иные случаи. В частности, дело, заведенное на бывшего землевладельца населенного пункта Порецкое Алатырского уезда В. А. Иванова-Тумановского, было доведено до завершающей стадии. Первоначально расследованием дела В. А. Иванова-Тумановского занималась Курмышская чрезвычайная комиссия. По результатам ее расследования было выяснено, что Иванов-Тумановский в период с 1905 года по 1916 годы неоднократно участвовал в противодействии угнетенным пролетариям, поднявшимся на завоевание своих прав, а именно убил выстрелом из ружья одного гражданина [Там же, д. 78, л. 25]. Кроме этого, Иванов-Тумановский, занимая при правительстве Керенского должность члена уездной земельной управы, учинил растрату денег, а при советском правительстве распространял антикоммунистическую стихотворную пропаганду, содержащую нецензурную лексику [Там же, л. 116]. Курмышская чрезвычайная комиссия 4 июля 1918 года передала дело в Симбирский революционный трибунал, где на следующий день должно было состояться заседание. Однако заседание было сорвано по причине того, что обвиняемый сумел бежать из-под стражи и отправился к белым. Тем не менее Иванову-Тумановскому был заочно вынесен приговор — после поимки контрреволюционера сопроводить для отбывания принудительных работ. Стоит отметить, что дальнейшая судьба Иванова-Тумановского осталась неизвестной [Там же, л. 118].

Симбирский чрезвычайный орган правосудия был вынужден прекратить свою деятельность после захвата губернского центра в июле 1918 года сторонниками Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧ). Комучевцы объявили сотрудников ревтрибунала персонами нон-грата и приговорили к расстрелу [Блохинцев, 1977, с. 110]. Среди них был оставшийся в городе для ликвидации ценных бумаг ревтрибунала И. В. Крылов, которого 26 июля 1918 года после проведения краткого допроса расстреляли в Стрижевом овраге.

После восстановления в Симбирске советской власти по указанию губисполкома 1 сентября 1918 года был воссоздан трибунал [ГАУО, ф. р-200, оп. 2, д. 23, л. 5]. Осенью-зимой 1918 года Симбирский губернский революционный трибунал занимался исключительно контрреволюционными правонарушениями. При этом практически в отношении всех виновных в соответствии с распоряжением СНК от 5 сентября 1918 года «О красном терроре» был вынесен расстрельный вердикт [Там же, л. 7]. В то же время, если говорить о количестве завершенных трибуналом дел контрреволюци-



онного характера, можно отметить их немногочисленность, что обусловлено рядом причин: во-первых, процесс восстановления трибунала требовал определенного времени; во-вторых, количество сотрудников было недостаточным для осуществления следственных мероприятий; в-третьих, часть заведенных дел оказалась уничтоженной при захвате города. В связи с этим Симбирский губревтрибунал сосредоточил свое внимание на наиболее общественно опасных делах, а рассмотрение остальных перенес на 1919 и 1920 годы.

### **5. Судебная практика Симбирского губернского революционного трибунала в 1919—1920 годах**

Состав контрреволюционных преступлений в 1919—1920 годах можно условно разделить на три подгруппы: правонарушения, связанные с осуществлением гражданином агитации или пропаганды, участие в восстаниях и мятежах, оказание содействия белогвардейцам. Значительную долю в группе правонарушений составляли деяния, связанные с осуществлением контрреволюционной пропаганды. Рассмотрим наиболее характерные примеры.

Почтальон Сызранского отделения ж / д почтово-телеграфной конторы, Ларин Филипп, 25 июня 1919 года на станции Сызрань в толпе солдат, рассматривая плакат «Горе дезертирам», возмущал их против Советского правительства. В частности, Ларин доказывал собравшимся, что когда большевики пришли к власти, то они кричали «Долой войну!», однако теперь сами гонят солдат на убой силою оружия против своих же братьев. Ларин именовал себя большевиком и говорил, что он ни за что не пойдет на фронт убивать своих родных [ГАУО, ф. р-200, оп. 2, д. 389, л. 2]. По приговору ревтрибунала, Ларина приговорили к лишению свободы, однако сразу же применили к нему амнистию [Там же, л. 27].

Кроме этого, революционный трибунал рассмотрел и дело в отношении крестьянина И. М. Болонина, обвиняемого в пропаганде. Согласно расследованию, Болонин в беседе сказал комиссару отделения ж / д чрезвычайной комиссии станции Алатырь, что Колчак обращается с крестьянами намного лучше, чем большевики. Кроме этого, Болонин жаловался собравшимся на станции, что среди большевиков практически все без исключения воры и взяточники [ГАУО, ф. р-200, оп. 2, д. 785, л. 2]. 5 июля 1919 года состоялось судебное заседание, по итогам которого был принят следующий вердикт — дело прекратить, а Болонина оправдать [Там же, л. 7].

8 сентября 1920 года было рассмотрено дело по обвинению учителей Алатырского уезда в агитации против советской власти и ее критике.

Согласно расследованию, 28 июля 1918 года в Алатыре во время происходящего заседания 5-го съезда Советов были рассмотрены резолюции Алатырского учительского делегатского съезда контрреволюционного содержания. В частности, в резолюции было отражено тяжелое материальное положение учителей [ГАУО, ф. р-200, оп. 2, д. 358, л. 181]. Учителя обратились к уездному съезду с просьбой оградить их от различного рода выпадов со стороны коммунистических средств массовой информации, подчеркивая при этом, что из-за отсутствия мер по улучшению жизни работников просвещения они будут вынуждены против своей воли и желания оставить дело воспитания трудовых масс. По итогам заседания был вынесен приговор — учителей, участвовавших в написании резолюции, а именно Д. А. Самарина, Е. П. Нуждина, А. П. Соловьева, Р. А. Багрянскую, В. М. Петрова, В. Г. Ефимова, амнистировать [Там же, л. 245].

Стоит отметить, что Симбирский трибунал далеко не во всех случаях выносил оправдательный вердикт. К примеру, в отношении чиновника Полтева Афанасия за агитацию против Советской власти был вынесен следующий вердикт — лишение свободы сроком на один год с применением принудительных работ, однако по случаю амнистии данный срок был сокращен до 3 месяцев [ГАУО, ф. р-1048, оп. 1, д. 1, л. 6].

К следующей по количеству дел группе контрреволюционных преступлений, рассмотренных Симбирским революционным трибуналом, относятся исключительно правонарушения, связанные с оказанием содействия белогвардейцам.

И. С. Голенков обвинялся в службе белым в 1919 году. Согласно расследованию, произведенному Уфимской ЧК, было выявлено, что Голенков вел в квартире в присутствии лиц контрреволюционный разговор о том, что он едет из Сибири, где учредилловцами взят Красноярск, в связи с чем коммунистам пришел конец. Допрошенная в ходе расследования жена обвиняемого Февронья заявила, что ее муж является антисоветским работником и неоднократно принимал участие в обысках совместно с белогвардейцами, а также был повинен в выдаче некоторых коммунистов [ГАУО, ф. р-125, оп. 2, д. 392, л. 2]. Дело было передано в Симбирский ревтрибунал для доследования. В результате произведенного расследования было выявлено, что возводимые на Голенкова обвинения его жены являются ложными и сделаны ей с целью избавиться от своего мужа. На самом деле Голенков служил у белых не по своей воле, а по принуждению, занимая должность обучающегося в милиции. За время принудительной службы он не делал обысков и не производил арестов. 26 мая 1920 года состоялось заседание Симбирского ревтрибунала, по итогам которого был вынесен

следующий приговор: *Голенкова признать виновным в контрреволюционном разговоре и приговорить к тюремному заключению на 2 года, а обвинения в службе у белогвардейцев снять. Однако, учитывая происхождение, Голенкова амнистировать* [Там же, л. 15].

Обвинение гражданина в работе на белогвардейцев, если она выполнялась под угрозой применения с их стороны насилия, могло закончиться для обвиняемого вынесением оправдательного вердикта. В частности, Симбирским губревтрибуналом был оправдан гражданин села Нурлан И. Я. Коломухин, попавший к белогвардейцам на службу под угрозой расстрела. Данный гражданин активного участия в контрреволюционных деяниях не принимал, знакомых коммунистов не выдавал, а когда представилась возможность, бежал домой [ГАУО, ф. р-125, оп. 2, д. 275, л. 30]. Другим оправданным стал Б. Е. Певницкий, обвинявшийся в бегстве с белогвардейцами и работе на них. В ходе расследования и допроса обвиняемого было выявлено, что Певницкий уехал из города в августе 1918 года при содействии домовладельца, доставшего ему билеты на поезд. Причиной его отъезда послужила боязнь возможного террора со стороны белогвардейцев. Спустя двое суток Певницкий, услышав об улучшении ситуации, решил вернуться в город Симбирск [ГАУО, ф. р-125, оп. 2, д. 343, л. 19]. По приезде домой он обнаружил, что дверь его квартиры опечатана, а сам он числится в рядах граждан, подозреваемых местной чрезвычайной комиссией в контрреволюционной деятельности. С целью оправдать свой отъезд он добровольно явился в ЧК, где был арестован. В результате рассмотрения дела доказательство отсутствия контрреволюционного умысла способствовало вынесению оправдательного приговора [Там же, л. 30].

Оправдан был также и Хишин Михаил, гражданин Сенгилеевского уезда, обвинявшийся в работе на белых, выразившейся в том, что он ездил за оружием в Сызрань. Следственная комиссия не нашла достаточных оснований для привлечения его к ответственности, потому что Хишин был избран для этого дела на сельском собрании против его воли [ГАУО, ф. р-125, оп. 2, д. 990, л. 13].

Однако встречались также случаи, когда гражданин по своей воле оказывал посильную помощь белогвардейцам: выдавал адреса местонахождения партработников или красноармейцев, поджигал здания административных органов либо принимал участие в избиение коммунистов.

Такие дела трибунал рассматривал по всей строгости революционного времени. Так, граждане села Знаменское Ардатовского уезда С. И. Шалаев, И. З. Миронов и М. Я. Макаров, совершившие поджог здания волысполкома, были приговорены к лишению свободы и принудительным работам

до окончания Гражданской войны [Там же, д. 338, л. 65]. Аналогичный приговор был вынесен в отношении граждан села Заборовка Сызранского уезда, виновных в выдаче красноармейца [Там же, д. 275, л. 30].

За открытое оказание вооруженной помощи бойцам белой гвардии, а также нанесение побоев коммунистам был приговорен к высшей мере наказания (за данный вид преступления) — лишению свободы на десятилетний срок — А. Шилов. Однако к нему применили амнистию и отправили на службу в ряды Красной Армии [Там же, д. 990, л. 16].

К последней группе контрреволюционных правонарушений относится участие в мятежах и восстаниях, а также антисоветская деятельность. Ввиду однотипности преступных деяний целесообразным представляется упомянуть лишь наиболее значительные случаи.

Граждане села Косогор обвинялись в участии в апреле 1918 года в контрреволюционном мятеже, вспыхнувшем на территории Карсунского уезда. Поводом к рассмотрению их дела послужило анонимное письмо, которое поступило товарищу Мельникову — Ардатовскому военному комиссару. В письме было изложено, что граждане Косогор Данил Пиянзин, Егор Сарайкин, Пантелей Кеняйкин, Степан Сарайкин и Иван Абайкин 11-го апреля 1918 года принимали активное участие в восстании банд, прибывших из Карсунского уезда, и после ликвидации мятежа сначала скрывались от следствия, а затем явились домой и начали вести подпольную работу [ГАУО, ф. р-180, оп. 3, д. 19, л. 115]. В ходе расследования был произведен допрос свидетеля Холодова, занимавшего должность младшего милиционера. По сведениям Холодова, обвиняемые в контрреволюционной деятельности не были замечены, а письмо явно ложное [ГАУО, ф. р-125, оп. 2, д. 185, л. 4]. 25 декабря 1919 года Симбирским ревтрибуналом был вынесен приговор — дело прекратить из-за отсутствия состава преступления [Там же, л. 7].

Большая доля дел, расследуемых Симбирским губернским революционным трибуналом, была связана с крестьянами, обвиненными в участии в Чапанном мятеже — 87 % (381 дело) [ГАУО, ф. р-180, оп. 3, д. 19, л. 41]. В отношении мятежников в 274 случаях (71, 9 %) выносился обвинительный вердикт [ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 296, л. 56]. Так, к лишению свободы сроком на один год были приговорены граждане Сызрани М. С. Ермолаев, И. А. Шамардин [ГАУО, ф. р-125, оп. 2, д. 137, л. 2], населенного пункта Александровка — П. П. Бекмаев, И. И. Орлов [Там же, д. 182, л. 4], населенного пункта Тарханова Ардатовского уезда — Н. С. Филипьевич, П. В. Калинин, С. А. Киселев [Там же, д. 134, л. 5]. К двухлетнему сроку были приговорены крестьяне села Панышино Сызранского уезда А. П. Мягги-

ков, Ф. Е. Воронина, С. В. Девятина [Там же, д. 107, л. 4]. К расстрелу приговорили крестьян населенного пункта Кайбичево Ардатовского уезда за нападение на почтово-телеграфное отделение и убийство двух солдат Красной армии [Там же, д. 57, л. 4].

Кроме этого, революционный трибунал рассмотрел и дело в отношении гражданина Ардатовского уезда Г. И. Зорькина. Согласно протоколу допроса, Зорькин во время нахождения кулацкой банды в селе Мугурове в апреле 1919 года пришел вместе с другими контрреволюционными элементами в дом Зорькиной Анны и указал на ее мужа Кузьму как на яркого коммуниста, в результате чего члены кулацкой банды забили Кузьму до смерти, а затем принялись наносить побои его престарелым родителям и жене [Там же, д. 113, л. 8]. Симбирский ревтрибунал 25 апреля 1919 года вынес приговор: заведенное дело прекратить в связи с тем, что, хотя Зорькин и принимал участие в избиении, но организатором восстания не был [Там же, л. 15].

Стоит сказать, что в 1992 году практически в 57 % случаев (367) пересмотр дел по обвинению в контрреволюционной деятельности граждан закончился реабилитацией [ГАУО, ф. р-125, оп. 2, д. 182, л. 4]. Среди граждан, осужденных Симбирским губернским революционным трибуналом за 1918—1920 годы, количество контрреволюционеров, реально представлявших угрозу советской власти, а не попавших под гребенку по классовому принципу, было очень невелико 14 % (90) [ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 296, л. 55].

## 6. Заключение

Таким образом, анализ контрреволюционных правонарушений, рассмотренных Симбирским губревтрибуналом за 1918—1920 годы, характеризует делопроизводство данного органа правосудия как радикального элемента системы власти. В Симбирской губернии борьба с контрреволюционными деяниями носила систематический характер и осуществлялась с различной степенью эффективности, при этом ревтрибунал старался пресекать на корню любые проявления контрреволюционной деятельности и не допускать ее повсеместного распространения на территории губернии. Итоговый вердикт, выносимый трибуналом, зависел в первую очередь от социального происхождения обвиняемого: к представителям пролетариата, выходцам из крестьянской среды в большинстве случаев применялось мягкое наказание, которое во многих случаях заменялось амнистией. В то же время сотрудники Симбирского губернского революционного трибунала в связи с отсутствием четких критериев оценки «контрреволюционного

деяния» зачастую осуждали граждан, не представлявших существенной угрозы для советского государства.

### Источники и принятые сокращения

1. ГАНИ УО — *Государственный* архив новейшей истории Ульяновской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Лл. 51—57 ; Ф. 57. Оп. 2. Д. 146. Л. 28 ; Ф. 57 а. Оп. 2. Д. 146. Лл. 48—59.

2. ГАУО — *Государственный* архив Ульяновской области. Ф. Р-125. Оп. 2. Д. 11. Л. 12. Д. 46. Лл. 15—78, Д. 53. Л. 105. Д. 57. Л. 4, Д. 78. Лл. 25—118, Д. 107. Л. 4, Д. 113. Лл. 8—15, Д. 134. Л. 5, Д. 137. Л. 2, Д. 182. Л. 4, Д. 185. Лл. 4—7, Д. 338. Л. 65, Д. 343. Лл. 19—30, Д. 392. Л. 15 ; Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 35. Л. 5, Оп. 3. Д. 19. Л. 115 ; Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 23. Лл. 5—7, Д. 389. Лл. 2—27, Д. 785. Лл. 2—7 ; Ф. Р—336. Оп. 1. Д. 4. Л. 11 ; Ф. Р-1048. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, Д. 4. Л. 11.

3. *Инструкция* Революционному Трибуналу № 170 «О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. — Москва : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. — С. 181—183.

4. О суде. Декрет № 1. — *О суде* : Декрет СНК РСФСР № 1 от 24.11.1917 // Собрание Постановлений Правительства. — 1918. — № 4. — С. 136—140.

5. О суде. Декрет № 2. — *О суде* : Декрет ВЦИК № 2 от 07.03.1918 // Декреты Советской власти. — Москва : Госполитиздат, 1957. — Т. I. — С. 466—474.

6. О суде. Декрет № 3. — *О суде* : Декрет СНК РСФСР № 3 от 13.07.1918 // Известия. — 20 июля 1918. — № 269.

7. *Положение* о Народном суде РСФСР : Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 года // Известия. — 8 декабря 1918. — № 269.

8. *Руководство* для революционных трибуналов // Известия ЦИК и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. — 12 декабря 1917.

### Литература

1. *Абрамов В. В.* Создание и деятельность местных революционных трибуналов (1918—1922 гг.) : по материалам Пензенской губернии : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. В. Абрамов. — Пенза, 2004. — 283 с.

2. *Блохинцев А. Н.* Именем ревтрибунала... / А. Н. Блохинцев // Комиссары огненных лет: борцы за власть Советов на родине В. И. Ленина. — Ульяновск : Приволжское книжное издательство, 1977. — С. 108—112.

3. *Гороховский Н. Н.* Становление и правовой статус военных трибуналов в Среднем Поволжье (ноябрь 1917 г. — 1922 г.) : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Н. Н. Гороховский. — Тольятти, 2004. — 161 с.

4. *Макутчев А. В.* Тульский губернский революционный трибунал в 1918—1923 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. В. Макутчев. — Москва, 2011. — 229 с.

5. *Малия М.* Советская трагедия = The Soviet tragedy : История социализма в России. 1917—1991 / М. Малия. — Москва : РОССПЭН, 2002. — 584 с.

6. *Позднякова А. С.* Деятельность Вятского губернского революционного трибунала в 1918—1922 гг. как фактор стабилизации власти большевиков в регионе : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. С. Позднякова. — Екатеринбург, 2015. — 199 с.

7. *Федоренко П. П.* Революционные трибуналы Смоленской губернии : Декабрь 1917—1922 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / П. П. Федоренко. — Смоленск, 2006. — 238 с.

8. *Хаски Ю.* Российские адвокаты и Советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры, 1917—1939 / Ю. Хаски. — Москва : ИГПАН, 1993. — 183 с.

9. *Чигрин М. В.* Должностные преступления сотрудников правоохранительных органов в 1918—1919 гг. (по материалам Симбирского губернского революционного трибунала) / М. В. Чигрин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — Т. 20, № 3 (2). — 2018. — С. 315—320.

10. *Pipes R.* Legalised Lawlessness : Soviet Revolutionary Justice / R. Pipes. — London : Institute for European Defence and Strategic Studies, 1986. — 252 s.

11. *Rendle M.* Revolutionary Tribunals and the Origins of Terror in Early Soviet Russia / M. Rendle // Historical Research. — 2011. — Vol. 84, № 226. — Pp. 693—721.

12. *Stites R.* Trial as Theatre in the Russian Revolution / R. Stites // Theatre Research International. — 1998. — Vol. 23, № 1. — Pp. 7—13.

---

## Counterrevolutionary Crimes in Judicial Practice of Simbirsk Governorate Revolutionary Tribunal in 1918—1920

© **Rashit A. Mukhamedov (2019)**, orcid.org/0000-0001-6181-324, Doctor of History, professor, Ulyanovsk State Pedagogical University (Ulyanovsk, Russia), rasit56@mail.ru.

© **Maksim V. Chigrin (2019)**, orcid.org/0000-0002-1006-5524, PhD student, Ulyanovsk State Pedagogical University (Ulyanovsk, Russia), maksim-chigrin@mail.ru.

© **Aleksandr A. Nikitin (2019)**, orcid.org/0000-0003-2918-9145, PhD in History, associate professor, Ulyanovsk State Pedagogical University (Ulyanovsk, Russia), alexistyr@yandex.ru.

The article is devoted to the analysis of counterrevolutionary crimes in 1918—1920 on the basis of the cases accepted for consideration by Simbirsk Governorate Revolutionary Tribunal. The authors introduce previously unavailable archival documents into scientific circulation. Details are given to such aspects of the topic as the jurisprudence of the emergency justice system in the fight against the counter-revolution, as well as the necessary conditions for the final verdict against the accused. The analysis of the verdicts issued by the emergency justice body is carried out. Attention is paid to examples of acts committed by citizens in 1918—1920 and recognized as counterrevolutionary. Statistical data on the activity of the emergency justice body of Simbirsk governorate are given. The novelty of the research is seen in the fact that for the first time a large layer of previously

classified unpublished archival documents was introduced into scientific circulation. The main conclusions of the study are the following key provisions: firstly, Simbirsk Governorate Revolutionary Tribunal was an effective tool of the Bolshevik regime, and secondly, the emergency justice body in 1918—1920 paid close attention to the investigation of counter-revolutionary cases, which amounted to about 29 %, and thirdly, in sentencing Tribunal staff were guided by the class principle.

Key words: Simbirsk governorate; Simbirsk Governorate Revolutionary Tribunal; Soviet legal proceedings; Red Terror; Decree of the court; sentence.

## Material resources

- GANI UO — *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Ulyanovskoy oblasti*. F. 1. Op. 1. D. 296. Ll. 51—57; F. 57. Op. 2. D. 146. L. 28; F. 57 a. Op. 2. D. 146. Ll. 48—59. (In Russ.).
- GAUO — *Gosudarstvennyy arkhiv Ulyanovskoy oblasti*. F. R-125. Op. 2. D. 11. L. 12. D. 46. Ll. 15—78, D. 53. L. 105. D. 57. L. 4, D. 78. Ll. 25—118, D. 107. L. 4, D. 113. Ll. 8—15, D. 134. L. 5, D. 137. L. 2, D. 182. L. 4, D. 185. Ll. 4—7, D. 338. L. 65, D. 343. Ll. 19—30, D. 392. L. 15; F. R-180. Op. 1. D. 35. L. 5, Op. 3. D. 19. L. 115; F. R-200. Op. 2. D. 23. Ll. 5—7, D. 389. Ll. 2—27, D. 785. Ll. 2—7; F. R — 336. Op. 1. D. 4. L. 11; F. R-1048. Op. 1. D. 1. L. 6, D. 4. L. 11. (In Russ.).
- O sude. Dekret № 1 — O sude: Dekret SNK RSFSR № 1 ot 24.11.1917. (1918). In: *Sobraniye Postanovleniy Pravitelstva*, 4: 136—140. (In Russ.).
- O sude. Dekret № 2 — O sude: Dekret VTsIK № 2 ot 07.03.1918. (1957). In: *Dekrety Sovetskoy vlasti*, 1. Moskva: Gospolitizdat. 466—474. (In Russ.).
- O sude. Dekret № 3 — O sude: Dekret SNK RSFSR № 3 ot 13.07.1918. (20 iyulya 1918). *Izvestiya*, 269. (In Russ.).
- Polozheniye o Narodnom sude RSFSR: Dekret VTsIK ot 30 noyabrya 1918 g. (8 dekabrnya 1918). *Izvestiya*, 269. (In Russ.).
- Rukovodstvo dlya revolyutsionnykh tribunalov. (12 dekabrnya 1917). *Izvestiya TsIK i Petrogradskogo soveta rabochikh i soldatskikh deputatov*. (In Russ.).

## References

- Abramov, V. V. (2004). *Sozdaniye i deyatelnost' mestnykh revolyutsionnykh tribunalov (1918—1922 gg.): po materialam Penzenskoy gubernii*: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk. Penza. (In Russ.).
- Blokhintsev, A. N. (1977). Imenem revtribunala ... In: *Komissary ognennykh let: bortsy za vlast' Sovetov na rodine V. I. Lenina*. Ulyanovsk: Privolzhskoye knizhnoye izdatelstvo. 108—112. (In Russ.).
- Chigrin, M. V. (2018). Dolzhnostnyye prestupleniya sotrudnikov pravookhranitelnykh organov v 1918—1919 gg. (po materialam Simbirskogo gubernskogo revolyutsionnogo tribunala). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, 20 (3 / 2): 315—320. (In Russ.).
- Fedorenko, P. P. (2006). *Revolutsionnyye tribunaly Smolenskoj gubernii: Dekabr' 1917—1922 g.*: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk. Smolensk. (In Russ.).



- Gorokhovskiy, N. N. (2004). *Stanovleniye i pravovoy status voyennykh tribunalov v Srednem Povolzhye (noyabr' 1917 g. — 1922 g.): dissertatsiya ... kandidata yuridicheskikh nauk*. Tolyatti. (In Russ.).
- Khaski, Yu. (1993). *Rossiyskiye advokaty i Sovetskoye gosudarstvo. Proiskhozhdeniye i razvitiye sovetskoy advokatury, 1917—1939*. Moskva: IGPAN. (In Russ.).
- Makutchev, A. V. (2011). *Tul'skiy gubernskiy revolyutsionnyy tribunal v 1918—1923 g.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Malia, M. (2002). *Sovetskaya tragediya = The Soviet tragedy: Istoriya sotsializma v Rossii. 1917—1991*. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).
- Pipes, R. (1986). *Legalised Lawlessness: Soviet Revolutionary Justice*. London: Institute for European Defence and Strategic Studies.
- Pozdnyakova, A. S. (2015). *Deyatel'nost' Vyatskogo gubernskogo revolyutsionnogo tribunala v 1918—1922 gg. kak faktor stabilizatsii vlasti bolshevikov v regione: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Ekaterinburg. (In Russ.).
- Rendle, M. (2011). Revolutionary Tribunals and the Origins of Terror in Early Soviet Russia. *Historical Research*, 84 (226): 693—721.
- Stites, R. (1998). Trial as Theatre in the Russian Revolution. *Theatre Research International*, 23 (1): 7—13.